U 402/573

НИКОЛЬСКОЙ БИБЛІОТЕКИ
Шкапъ 3 Полка 7
№ 346

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ВЪ ПАМЯТЬ НЕЗАБВЕННАГО НАЧАЛЬНИКА.

242f4/10

2007058023

И 402/573

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ВЪ ПАМЯТЬ НЕЗАБВЕННАГО НАЧАЛЬНИКА,

ЕГО СВѢТЛОСТИ

КНЯЗЯ

ДМИТРІЯ ВЛАДИМІРОВИЧА

ГОЛИЦЫНА.

Князя М. Н. Голицына

ПОЧЕТНАГО ПОПЕЧИТЕЛЯ МОСКОВСКОЙ ГРАДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ.

БОЛЬНЫМЪ МОСКОВСКОЙ ГРАДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ, ПРЕДЪ ЗАУПОКОЙНОЮ ОВѢДНЕЮ ПО УСОПШЕМЪ ЕЯ ОСНОВАТЕЛѢ И ГЛАВНОМЪ ПОПЕЧИТЕЛѢ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Апрѣля 14 дня, 1844 года.

Цензоръ *В. Флеровъ.*

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА
46660-46

Горестная вѣсть о невозвратной потерѣ всеобщаго благодѣтеля столицы, и въ особенности покровителя и начальника сего заведенія, вѣроятно уже извѣстна вамъ, друзья мои. Да и признаюсь, тяжело бы было мнѣ первому быть вѣстникомъ такого горя; радость спѣшишь раздѣлить съ ближними, а горе радъ бы затаить на душѣ, чтобы не заставлять сострадать себѣ и другихъ. Но тѣмъ не менѣе, я священнѣйшимъ долгомъ для себя счелъ, въ эту печальную минуту всеобщей потери нашей, явиться посреди васъ для того, чтобы подѣлиться горемъ и вмѣстѣ въ вами помолиться о упокоеніи души добраго нашего начальника, благодѣтеля и Главнаго Попечителя, сего

Богоугоднаго заведенія, въ храмѣ, его же стараніями воздвигнутомъ для бѣдныхъ страждущихъ собратій. Истинная горесть въ началѣ поражаетъ душу какимъ-то оцѣпененіемъ, безмолвіемъ, но въ послѣдствіи эта пораженная душа, какъ бы не въ силахъ будучи одна вынести столь тяжкаго бремени, ищетъ подѣлиться имъ съ другими, облегчить себя, и вотъ поэтому то самому я собралъ васъ сюда, друзья мои, и прежде нежели мы всѣ вмѣстѣ пойдемъ молиться за нашего общаго благодѣтеля, рѣшился сказать вамъ нѣсколько словъ, какъ въ память того, кого мы потеряли, такъ и для облегченія общаго нашего горя.

У такихъ высокихъ и именитыхъ людей, каковъ былъ въ Бозѣ почившій начальникъ и благодѣтель нашъ, Его Свѣтлость Князь Дмитрій Владиміровичь Голицынъ, Градоправитель древней столицы нашей, Главный Попечитель сего заведенія, не только жизнь, но и самая смерть служатъ лучшими и назидательнѣйшими уроками для человѣчества. Жизнь полная достославныхъ дѣяній и прекрасныхъ примѣровъ говоритъ сама за себя; смерть составляетъ страницы исторіи, по которымъ учится жить бу-

дущее поколѣніе. Пусть же и мой первый голосъ, дань сердца признательнаго человѣку съ которымъ я по службѣ моей имѣлъ счастіе быть въ ближайшихъ сношеніяхъ, касаясь вашего слуха не падетъ на безплодный камень, а на добрую почву и принесетъ плодъ во времени, напоминая вамъ и всю великость нашей потери, и всю великость той признательности, которою обязаны мы нашему усопшему благодѣтелю и начальнику. Эти немногія слова о незабвенномъ для всѣхъ насъ человѣкѣ, я не могъ бы произнести вамъ живымъ голосомъ—языкъ нѣмѣетъ, когда сердце слишкомъ переполнено. Пусть же эти немногія слова, которыя теперь въ рукахъ вашихъ, прочтутся вами съ полнымъ вниманіемъ на тѣхъ самыхъ болѣзненныхъ одрахъ, съ которыхъ вы не давно встали, пусть эта небольшая тетрадка бережется вами на память сердца признательнаго къ вашей потерѣ и для назидательнаго примѣра въ будущемъ. „Вотъ былъ человѣкъ!“ пусть скажетъ каждый изъ васъ читая, или передавая эту тетрадку сыну или внуку, и вмѣстѣ съ симъ разскажетъ ему о доблестяхъ и благодѣтельной душѣ усопшаго Князя, увѣковѣчившаго имя свое въ лѣтописяхъ нашего отече-

ства и въ сердцахъ бѣдныхъ облагодѣтельствованныхъ имъ собратій. Есть и другая, по моему мнѣнію не менѣе прекрасная цѣль: нѣсколько экземпляровъ этой тетрадки будутъ отданы въ продажу *отъ нашей больницы*, ему исключительно обязанной, какъ началомъ, такъ и улучшеніемъ своимъ, а сумма вырученная за нихъ, поступитъ на пользу бѣдныхъ, толпами ежедневно являющихся, какъ и вамъ самимъ извѣстно, въ наше Богоугодное заведеніе. Пусть и изъ самаго гроба рука его отретъ слезу еще нѣсколькихъ несчастныхъ; и по смерти благодѣтельнаго человѣка не изсякнутъ вполнѣ благодѣянія его страждущимъ, пусть бѣднякъ получившій посильную помощь во имя его, благословитъ и за гробомъ щедродательную десницу и вознесетъ теплую молитву о усопшемъ Свѣтлѣйшемъ Князѣ!

Но съ чего, съ какихъ словъ начну я говорить вамъ, друзья мои, о нашемъ незабвенномъ Начальникѣ и благодѣтелѣ? Да и мнѣ-ли говорить о немъ, когда здѣсь все, все васъ окружающее, громко и краснорѣчиво говоритъ о немъ вашему сердцу? Эти стѣны, окружающія всѣхъ насъ, платье ко-

торое на васъ, спокойная постель на которой вы лежали въ немощахъ вашихъ, пища которою вы подкрѣпляете возстанавливающіяся силы ваши, самый храмъ столь велелѣпно устроенный и украшенный, въ который мы собираемся идти теперь вмѣстѣ молиться; все, все это не говоритъ-ли вашему сердцу сильнѣе всѣхъ словъ витійства о великости понесенной нами потери? ибо все это начато, устроено и усовершенствовано имъ самимъ при содѣйствіи щедротъ Милостивѣйшаго Монарха, всегдашняго добраго и попечительнаго отца Россіи, этого огромнаго семейства, ввѣреннаго попеченію его благимъ Провидѣніемъ. Все это не говоритъ-ли само за себя всѣмъ вамъ? Но не прейду холоднымъ молчаніемъ нѣкоторыхъ подробностей, можетъ быть не вполнѣ извѣстныхъ вамъ, столь много и неоплатно облагодѣтельствованнымъ, усопшимъ Попечителемъ вашимъ.

Избранный еще при жизни Благословеннаго Александра въ Градоправители первопрестольной столицы Россіи, Князь Д. В. Голицынъ перешелъ съ поля брани, усыпанный лавровыми вѣнками по-

бѣдъ и отличій, на поприще Градоначальника Москвы и въ продолженіи 25 лѣтъ примѣрно оправдывалъ высокое довѣріе своего Государя. Доступный вездѣ и всякую минуту каждому, даже и самому низшему изъ собратій нашихъ, онъ одному отдавалъ должную справедливость, другаго наставлялъ на путь правды, третьяго утѣшалъ въ скорби. Каждая новая мысль о улучшеніи чего бы то ни было, клонящаяся къ общему благу, всегда находила въ немъ покровителя и ревностнаго сподвижника. Сколько новыхъ учрежденій, сколько различныхъ улучшеній на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ, какъ лучшіе доказательства его дѣятельности и попеченій о ввѣренной ему столицѣ? Тамъ составились разныя ученыя общества на пользу государства, въ другомъ мѣстѣ учредились школы наукъ и искусствъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ и отеческимъ надзоромъ! Столица улучшалась ежегодно, удобства общественной жизни приспособлялись посильно къ нуждамъ каждаго. Богатые фонтаны съ чистою здоровою водою брызнули на площадяхъ нашихъ отъ устроеннаго при его содѣйствіи огромнаго водянаго резервуара на Сухаревой Башнѣ, и мы всѣ теперь пользуемся хоро-

шею водою—этимъ необходимымъ условіемъ здоровой жизни, между тѣмъ какъ прежде большая часть жителей пробавлялась не всегда хорошею водою москвы рѣки, или даже и мутной лузы. Но не моему перу описать и не моей памяти припомнить все то, чѣмъ обязаны мы его отеческимъ попеченіямъ и начальнической дѣятельности! И зачѣмъ обращать взоры далеко? посмотрите только вокругъ себя, страдальцы друзья мои! Чего напримѣръ недостаетъ вамъ для вашего успокоенія, для вашего призрѣнія? а кому вы обязаны всѣмъ этимъ, послѣ милостей добраго Государя? снова повторю: ему одному. Еще въ 1828 году добрый Градоначальникъ нашъ почувствовалъ необходимость умножить число кроватей для помѣщенія больныхъ въ нашей столицѣ; съ жаромъ человѣколюбія принялся онъ за составленіе сего проэкта, и ничего не ускользнуло отъ его проницательнаго взора, отъ его прекрасной души. Проэктъ былъ утвержденъ, Больница быстро воздвиглась, и вотъ вы всѣ, друзья мои пользуетесь, да и дѣти ваши и внуки будутъ пользоваться дѣломъ его сердобольной души. Казалось бы и довольно сего подвига человѣколюбія, но нѣтъ! благодѣтельный Князь

пошелъ далѣе: въ христіанской и любящей душѣ своей онъ прозрѣлъ еще глубже; онъ спросилъ себя: куда же дѣнутся нещастные неизлечимые бѣдные страдальцы, часто не имѣющіе крова и куска хлѣба? и поспѣшилъ исполнить свою прекрасную мысль; при помощи и содѣйствіи извѣстнаго вамъ благотворителя Д. П. Горихвостова рядомъ съ больницею возникло и богадѣленное завѣденіе на 50 кроватей для бѣдныхъ неизлечимыхъ и увѣчныхъ страдальцевъ, гдѣ всѣ они призрѣны, успокоены, и до гроба своего горячо молятся за благодушныхъ своихъ попечителей.

Говорить ли вамъ далѣе о всѣхъ его доблестяхъ и движеніяхъ прекраснаго сердца? ихъ не изчислишь; припомню вамъ одну эпоху изъ его жизни; эта эпоха не такъ далека отъ насъ, мы всѣ ее помнимъ, я хочу говорить о томъ несчастномъ времени, когда Всевышнему угодно было посѣтить насъ гибельною карою болѣзни холеры... Что дѣлаетъ онъ при первомъ извѣстіи о появившейся гибельной заразѣ? Онъ забываетъ то, что и онъ самъ такой же человѣкъ какъ и всѣ, и еще даже болѣе другихъ подверженъ опасности эпидеміи,

по безпрестанной своей дѣятельности и личному присутствію то тамъ, то здѣсь; онъ забываетъ, что онъ супругъ, отецъ семейства... Геройское самоотверженіе! Онъ быстро вездѣ самъ дѣйствуетъ, устрояетъ временныя больницы, окружаетъ ихъ всѣми возможными удобствами и средствами къ прекращенію зла, ограждаетъ по возможности всю свою губернію отъ гибельной заразы, дѣйствуетъ смѣло, открыто и успѣшно—и всѣ благодарятъ его, всѣ слушаются, всѣ такъ твердо увѣрены, что онъ день и ночь заботливо бдитъ о нихъ какъ отецъ о большой семьѣ ввѣренной ему Государемъ, и въ доказательство этой искренней любви и довѣренности народа къ нему, ни одинъ изъ самаго послѣдняго слоя буйной по своему необразованію черни, не смѣлъ противиться его твердой волѣ, его малѣйшему распоряженію; каждый говорилъ: вѣрно это на пользу нашу—и вотъ и ужаснал болѣзнь прекращается у насъ, скоро и успѣшно, и изъ всѣхъ европейскихъ столицъ *одна* Москва принимаетъ это несчастіе, съ покорною главою какъ кару посланную Провидѣніемъ въ наказаніе грѣховъ нашихъ! видитъ въ этомъ *одну Божью волю*, и молча, безъ ропота покоряется небесному испытанію! Эта

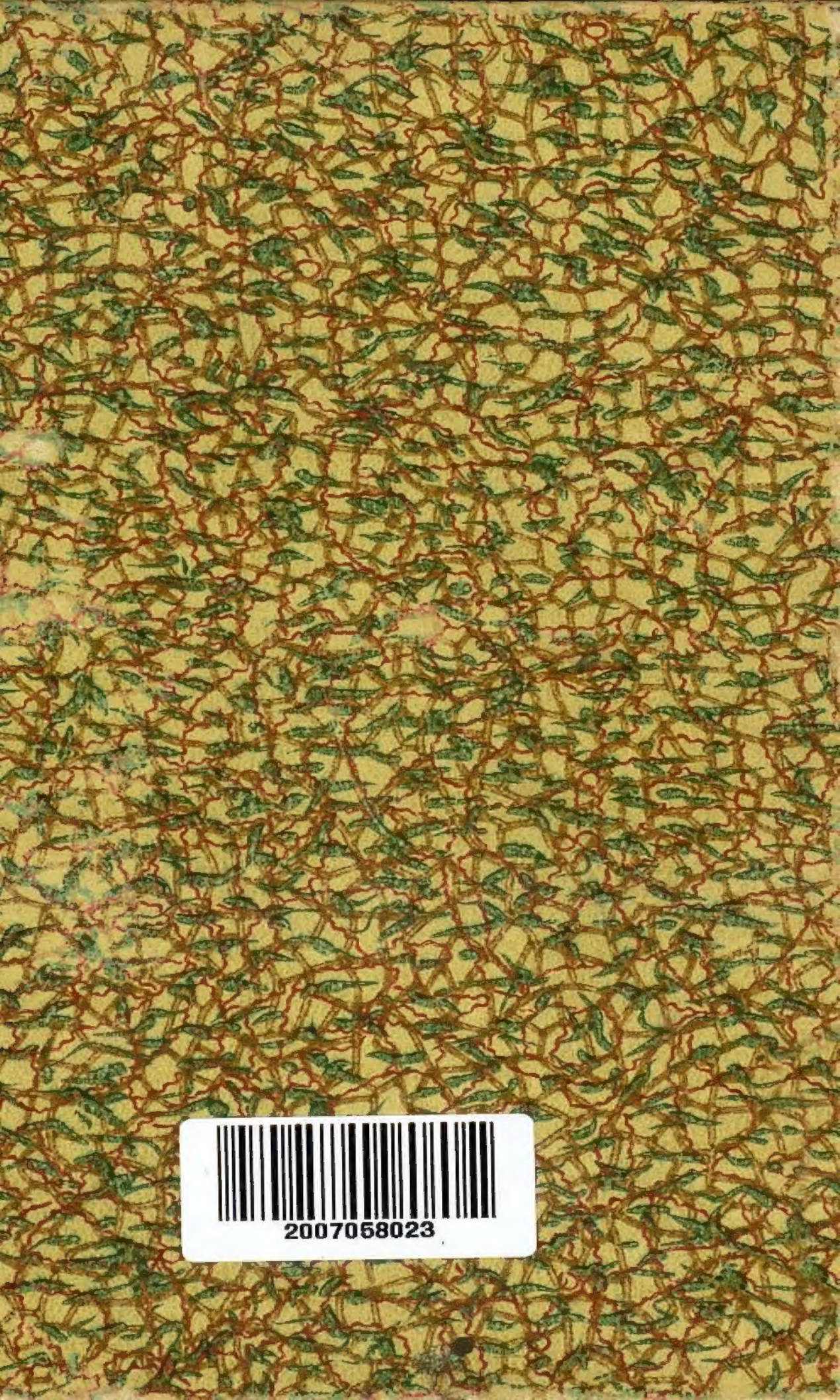
эпоха подарила лучшую страницу исторіи жизни усопшаго Князя.

Какъ близкій человѣкъ по отношеніямъ нашей общей больничной службы, и имѣвшій счастіе быть избраннымъ имъ самимъ, ближайшимъ начальникомъ вашимъ, друзья мои, сколько разъ имѣлъ я случай бесѣдовать съ нимъ о всегда любимомъ предметѣ его мыслей—объ этой самой больницѣ, которую устроилъ онъ, и за которою любилъ наблюдать какъ отецъ за успѣхами любимаго дѣтища! Какъ горячо и постоянно изыскивалъ онъ всегда случаи гдѣ бы и какъ бы помочь страждущему бѣдняку или вызвать кого нибудь на новое доброе дѣло—и за то какъ всѣми уважаемъ и цѣнимъ былъ этотъ доблестный сановникъ, острый мечъ и вѣрный глазъ Царскій! Его не столько любили какъ начальника, сколько какъ человѣка; болѣе и выше этого, мудрено что нибудь прибавить къ его достоинствамъ!

Пройдутъ вѣка, но память о немъ никогда не умретъ въ нашемъ отечествѣ, и преимущественно въ нашей признательной столицѣ. Можетъ быть никогда не будетъ воздвигнутъ ему памятникъ тлѣн-

ный въ облагодѣтельствованномъ имъ городѣ, но памятникъ тотъ, который пріуготовилъ онъ самъ и воздвигнулъ въ сердцахъ нашихъ—онъ никогда не изчезнетъ, не разрушится самымъ временемъ, а будетъ передаваться отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку въ позднѣйшемъ потомствѣ, и это будетъ одинъ памятникъ истинно приличный ему!

Дальнѣйшее и пространнѣйшее изчисленіе доблестей сего сановнаго и знаменитаго Русскаго Князя, принадлежитъ исторіи, а мой смиренный, но за то первый голосъ о славѣ его, да будетъ первымъ цвѣткомъ брошеннымъ на его священную могилу, и первою лавровою вѣткою, которая нѣкогда вплетется ему въ огромный свѣтлый вѣнецъ безсмертія, благодарнымъ и признательнымъ человѣчествомъ!


20070580230